

И. Е. ЗАБЕЛИН

Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях

<Фрагменты>

<...> Таким образом, царь Михаил в течение тридцати двух лет своего царствования успел не только восстановить старый дворец, но и увеличил его новыми каменными и деревянными постройками, выроставшими по мере размножения царской семьи и развития потребностей быта, который, несмотря на силу предания, мало-помалу все-таки двигался далее, вперед, предваряя в некоторых, хотя и мелочных, отношениях приближавшуюся реформу. Его сыну, царю Алексею Михайловичу, оставалось немного дела в отношении основных сооружений. И действительно, в его царствование мы не встречаем особенно значительных построек на царском дворе. Он возобновлял, большею частью, старое, перedelывал и украшал по своей мысли здания, построенные предками или его отцом. В первое время, когда ему было всего 17 лет, в 1646 г., то есть спустя год по смерти отца, он построил себе новые *Потешные хоромы*, которые тогда срубил дворцовый плотник Васька Романов. Из других построек упомянем о более значительных. Так, в 1660 г. была возобновлена дворцовая палата, построенная, может быть, при Михаиле, в которой помещался Аптекарский приказ и Аптека. Каменных дел подмастерье Вавилка Савельев делал в ней окна и двери и под старые своды подводил новые своды, а знаменщик, т. е. рисовальщик, Ивашка Соловей писал стенное письмо. Палата эта стояла недалеко от церкви Рождества Богородицы*. В 1661 г. вместо старой Столовой избы государь выстроил новую и великолепно украсил ее резьбою, золочением и живописью в новом заморском вкусе, по вымыслу инженера и полковника Густава Декенпина, который под

---

* Расходные книги в Архиве Оружейной палаты № 1015, 7168 г.; см. также в отделе Материалов № 28.

именем *вымышленика* выехал к нам в 1658 г*. Резные, золотильные и живописные работы исполняли уже в 1662 г. также иноземные мастера, большею частою поляки, призванные в Москву во время польской войны¹, именно резчики, вырезавшие окна, двери и подволоку (плафон): Степан Зиновьев, Иван Мировской с учениками, Степан Иванов и живописцы: Степан Петров, Андрей Павлов, Юрий Иванов. В том же 1662 г., апреля 1-го, на именины царицы государь справил широкое новоселье в этой Столовой**. Подобным же образом была украшена и новая Столовая царевича Алексея Алексеевича, построенная в 1667 г. В 1668 г. ее расписывали живописцы: Федор Свищерский, Иван Артемьев, Дорофей Ермолин, Станислав Куткеев, Андрей Павлов; а резали ученики упомянутых выше мастеров, из которых Иван Мировский размеривал для резьбы и живописи подволоку***. Так же, впоследствии, украшены были и новые Постельные хоромы, выстроенные царем в 1674 г. На трех плафонах этих хором государь велел написать *притчипророка Ионы, Моисея и о Эсфири*. В 1663 г. каменных дел подмастерье Никита Шарутин починил на дворце, в Верху у государя, *соборную* церковь Спаса Нерукотворенного Образа и трапезу сделал наново. Без сомнения, трапеза была распространена против прежней, потому что домовый храм Спаса, при царе Алексее, жившем в теремных покоях, стал соборным и в этом значении заменил для царского двора древние соборы Спасо-Преображенский, Благовещенский и Сретенский. Около того же времени, вероятно, произведены были переделки и возобновления в теремном здании. В 1670 г. Передний верхний двор, или площадка, находившаяся между этими покоями и церковью Спаса², была украшена медною вызолоченною решеткою, запиравшею вход с лестницы, которая вела в Терем с Постельного крыльца. Любопытно, что эта прекрасная решетка, сохранившаяся и доныне, была перелита из медных *денег*, выпущенных перед тем в народ и наделавших столько неудовольствий, убытков, смут и казней****.

В 1672 г. над приказом Аптекарской палаты в палатах был устроен театр, в котором с осени того же года *магистр Яган Годфрид* исправлял комедию, или *комидейное действо*, с своею труппою, кото-

---

* Расходные книги в Архиве Оружейной палаты № 1013, 7166 г.; № 1082 и 1020.

** Дополнения к тому 3 Дворцовых разрядов. Спб., 1854. С. 327.

*** См.: Расходные книги в Архиве Оружейной палаты. № 382, 384.

**** См. в столбцах Архива Оружейной палаты: память о присылке плавельщиков медного дела, Ивашки Казаринова с товарищи, для плавления медных денег к государеву хоромному делу на медные решетки, 15 ноября 7178 г.

рую составляли 26 человек комедиантов, мещанских детей*. С этого времени делается известным *Потешный дворец*, как новое особое отделение царского дворца, заменившее упомянутые *Потешные хоромы* и в особенности *Потешную палату*, существовавшую до того времени в государевых каменных хоромы именно в подклетном этаже теремного здания, под переднюю, третью и четвертую**. Основанием этому дворцу, по всему вероятно, послужили палаты Аптекарского приказа, стоявшие, как мы упомянули, неподалеку от церкви Рождества Богородицы. По смерти царского тестя Ильи Даниловича Милославского, в 1668 г., его двор с домовым храмом Похвалы Богородицы, находившийся рядом с Конюшенным государевым дворцом и подле этих палат, поступил также в число царских хором и был соединен с ними от Рождественской сенной церкви деревянными переходами, устроенными в 1669 г. Этот двор вместе с Аптекарскими палатами составил дворец Потешный, на котором в 1671 г. перекинуты были еще новые переходы от Оружейной палаты***. Ко времени царя Алексея Михайловича можно отнести и постройку церкви Спасова Нерукотворенного Образа, на сених у царевен, сестер государя, Ирины, Анны и Татьяны, хоромы которых стояли позади дворца, у Куретных ворот³, находившихся со стороны Троицкого подворья и Троицких кремлевских ворот. Церковь эта существовала уже в 1669 г., когда по случаю смерти царицы Марьи Ильичны государь подал в нее сорокоуст для поминовения царицы. Она именовалась в это время: Спас, что слово Новая церковь; Спас Новая церковь, что у Троицкого подворья; также Спас у царевен на Сених. После стали ее обозначать: что у Куретных ворот, что над Куретными воротами.

В истории государева дворца царствование Алексея Михайловича замечательно более потому, что с этого времени в царский дворец вошло много разных улучшений, которые дотоле или весьма мало,

---

* Временник Московского О-ва истории и древностей российских. 1856. Кн. 24. Материалы.

** Расходные записки приказа Тайных дел 1670 г.

*** Местность этих последних переходов указывается следующей заметкою Расходной книги Оружейного приказа 1679 г. Там между прочим сказано: «Мастеровые люди делали и тесали кирпич дубовый в проходных сених (что меж Оружейном Полатою и Выборного и что ходят на Потешный Двор), на пол, для государского шествия». (Расходные книги в Арх. Оружейной палаты. № 248). Позднейшие известия прямо указывают, что Аптека помещалась подле упомянутых переходов. В журнале Оружейной палаты 1727 г. ноября 13-го записано между прочим: «В Москве Потешный двор и на дворце, начав от переходов, полаты, в которых преж сего бывали *Аптека*, Оружейная и прочие все рядом перевести в иные места».

или даже вовсе не были известны. Важные последствия в этом отношении принесла польская война 1654–1667 гг., когда царь сам лично «поволил итти на недруга своего и супостата, польского и литовского короля Яна Казимера, за его многие неправды и за крестопреступление». Счастливое начало этой войны довольно известно. Войска, воодушевляемые личным присутствием царя, взяли — кроме многих других, менее значительных городов — Смоленск, Витебск, Могилев, Полоцк, Вильно, Ковно, Гродно; пребывание царя в некоторых из этих городов, и особенно в Вильно и Полоцке, познакомило его с образом жизни совершенно новым. По свидетельству Коллинса, царь с этого времени стал преобразовывать двор, завел даже театр, как мы упоминали. Вызвав из всех посещенных им городов многих ремесленников и художников, он употребил их искусство и труды особенно на украшение своего дворца, для чего и причислил их всех к замечательному в то время дворцовому художественному и ремесленному заведению, известному более под именем Оружейной палаты, из которой они получали весьма достаточное содержание. Сверх того, государь отдал им в науку русских учеников, которых они должны были выучить всему, что сами знают. С этого времени характер украшений дворца во многом изменился. Внутри дворца появились обои (золотые кожи) и разного рода мебель на немецкий и польский образец. Характер резьбы по дереву, столько употребительный во всех внутренних и внешних украшениях дворца, также изменился. Обыкновенную русскую резьбу, по одной только поверхности дерева, — заменила фигурная немецкая резьба во вкусе немецкого рококо, как можно судить по дошедшим до нас памятникам из домашней утвари того времени. <...>

<...> Эти хоромы (Теремной дворец. — В. В.), сохранившиеся до наших дней, несмотря на то, что были уже каменные, вполне изображают устройство и старинных деревянных хором, а потому служат любопытным и единственным памятником старого царского быта. В них воспитывался и жил царь Алексей Михайлович, а потом его сыновья, царь Федор и царь Иван Алексеевичи; в них до первого своего путешествия за границу останавливался иногда царь Петр Алексеевич: последним обитателем Теремов был царевич Алексей Петрович.

У хором, как следовало в деревянных постройках, был тоже и свой *подклетный* ярус, третий во всем здании, где находились разные служебные и деловые комнаты и где жили некоторые из ближних людей к особе царя. При царе Михаиле, в малолетство царя Алексея, здесь помещалась и *Потешная палата*, занимавшая особую комнату под Теремными покоем. Под *четвертою* комнатою была устроена

государева мыленка, в которую государь хаживал по *потайной лестнице*, сохранившейся донныне. Небольшая палатка, где помещалась мыленка, вся была выложена и опаяна свинцовыми досками для того, чтобы вода не могла пройти сквозь своды в нижний этаж.

Над тем же подклетным этажом, к Рождественскому собору⁴, на уровне Теремных покоев, находилась площадь, длиною около 10 саженей⁵, шириною 8 саженей, на которой стояли хоромы придворных *богомольцев*, столько любимых царем Алексеем Михайловичем.

Лицевая сторона Теремных покоев была обращена во двор к собору Спаса Преображения или к набережной стороне дворцовых зданий, к югу.

С внутренней, северной стороны Теремного дворца, к нему, именно к государевым покоям и к церкви Спаса за Золотою решеткою, примыкали каменные и деревянные хоромы цариц и царевен, т. е. всей женской половины царского семейства с их домовыми церквями. Они занимали пространство с лишком на 50 саженей в длину к северу и на 40 саженей в ширину, от запада к востоку, где, с восточной стороны, их линия примыкала к Патриаршему двору. С Теремным дворцом они соединялись многими открытыми площадками и переходами и крытыми сенями, расположенными на уровне площадей и переходов, какие существовали у Теремного Дворца, а потому и самые этажи этих хором высились соответственно этажам Терема. Возле Терема, в уровень с его комнатами, на расстоянии от него 10 саженей, в конце XVII ст. находились хоромы царицы Наталии Кирилловны с малолетним сыном Петром Алексеевичем, деревянные, построенные на каменных стенах и столбах, среди которых помещались их разные служебные палаты. В прежнее время здесь помещались хоромы государевы и прежних цариц. Эти хоромы и при них церковь находились прямо против Теремов, по направлению к северу, и занимали площадь в длину к северу почти на 20 саженей, в ширину с лишком на 13 саженей. Нижний ярус хором состоял, как упомянуто, из стен и столбов с находившимися среди них служебными помещениями, и из площадок на уровне каменного Теремного дворца, перед церковью Спаса за Золотою решеткою. В этом ярусе на северо-западном углу стояла церковь Петра и Павла, каменная, занимавшая место в длину и с трапезою с лишком 9 саженей и в ширину около 4 саж. Она высилась над всеми другими зданиями внутреннего двора на уровне с Теремом государя. Церковь была пятиглавая, главы и резные железные кресты были вызолочены, кровля была из кованого железа. В церкви было 17 и в трапезе 6 окон с железными решетками, вышиною 2% аршина, шириною 1 ½ аршин.

Полы были дубовые косящатые⁶. Возле церкви находилась палатка с сенями, из которых кверху вела *комнатная* круглая лестница. В церковной трапезе, по всему вероятно, были хоры-полаты, примыкавшие одною стороною к деревянным хоромам царицы. Около церкви были переходы. Против алтаря была расположена площадка, длиною в 8 ½ сажений, шириною в одном конце 6 сажений, в другом 11 аршин, на которой был разведен сад, огороженный балясами⁷, с небольшим прудом. Возле находилась еще площадка *Потешная* царевича Петра. Под хоромами царицы в нижнем этаже находилась Мастерская палата царицы и три палаты, в которых жили *государевы богомольцы*, длиною каждая в 6 сажений и шириною в 2 сажени, и в каждой было по 2 окна. Размер этих трех палат явно показывает богаделенное их устройство.

Нет никакого сомнения, что это отделение царского дворца, примыкавшее переходами к Теремным покоям и принадлежавшее царице Наталии Кирилловне, было устроено царем Алексеем Михайловичем и для собственного жилища вместе с царицею, почему в нем же помещены были и его любимые старики-богомольцы*.

В том же направлении, к северу от Теремного дворца, от Золотой Царицыной палаты и стоявшей возле нее церкви св. Екатерины, были расположены к стороне Патриаршего двора хоромы царевен, меньших, дочерей царя Алексея, и больших, старших, их теток, дочерей царя Михаила Федоровича. <...>

<...> Народ, уверовавший в высокое призвание царя, благоговейно чтит и все знаки его величия. Самый дворец государев охранялся особенным почетом, который по установившимся понятиям воздавали царскому местопребыванию. Нарушение этого почета, нарушение чести государева двора преследовалось даже положительным законом: в Уложении царя Алексея Михайловича есть целая глава «О Государеве Дворе, чтоб на Государеве Дворе ни от кого никакого бесчинства и брани не было».

По обычаям старого времени, нельзя было подъезжать близко не только к царскому крыльцу, но и вообще ко дворцу. Одни только высшие сановники, бояре, окольниковые, думные и ближние люди пользовались правом сходить с лошадей в расстоянии нескольких сажен от дворца. По словам Котошихина, приезжая во дворец на лошадях верхами или в каретах и в санях, они слезали с лошадей и выходили из экипажей, «не доезжая двора и не близко крыльца». К самому крыльцу, а тем более на царский двор, они не смели ездить. Чины младших разрядов — стольники меньших родов, стряпчие,

---

* Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Т. 1, ч. 2. М., 1915. С. 296.

дворяне, жильцы, дьяки и подьячие, сходили с лошадей далеко от царского дворца, обыкновенно на площади, между Ивановскою колокольнею и Чудовым монастырем, и оттуда уже шли во дворец пешком, несмотря ни на какую погоду. Из низших чиновников не все пользовались правом въезжать на лошадях даже в Кремль. Царским указом, 1654 г., в Кремль въезжать дозволено было только *старым первостатейным подьячим* и то не более трех человек из каждого приказа*; остальные, хотя бы также первостатейные, не пользовались этим дозволением. Но и тем, которые въезжали в Кремль, назначено было останавливаться почти у самых ворот и отсюда ходить пешком. Все другие приказные и вообще служилые и несслужилые младших чинов люди входили в Кремль пешком. Таким образом, самый подъезд ко двору соразмерялся с *честью*, или *чином*, каждого приезжавшего лица. Одни, самые чиновные, могли подъезжать «неблизко крыльца», другие, вовсе не чиновные, не осмеливались въезжать даже и в Кремль.

Иноземные послы и вообще знатные иностранцы, как государевы гости, выходили из экипажей, подобно боярам, в расстоянии нескольких саженей от крыльца, по словам Барберини⁸, шагов за тридцать или за сорок, и очень редко у обширного помоста, или рундука, устроенного перед лестницею.

Само собою разумеется, что это был особый этикет, принадлежавший к древним обычаям** и сохранившийся не только во дворце, но и в народе, особенно в высших его разрядах. Точно так же невежливо было младшему чиновнику или простолюдину въехать во двор боярина, а тем более прямо подъехать к его крыльцу. По словам Котошихина, боярин, въехавший таким образом на царский двор, заключался в тюрьму и лишался даже чести, то есть боярского сана. Боярский холоп, проведенный через царский двор лошадь боярина, хотя бы даже и по незнанию, наказывался кнутом.

Иностранцы объясняли этот древний и почти всенародный обычай гордою недоступностью, с которою бояре, и вообще высшие, вели себя в отношении к народу. Герберштейн⁹ прямо говорит, что простые люди почти не имеют к боярам доступа и не могут въехать верхом на боярский двор.

По своим понятиям, иностранцы действительно могли принимать это за излишнюю гордость и высокомерие. Но едва ли так это было

---

* Полное собрание законов. № 116.

** Например, в 1152 г., послу Изяслава, Петру Бориславичу, делалась также почетная встреча: «Петр приеха на княж двор и ту снидоша противу ему с сеной слугы княжи...» (Ипатьевская летопись. С. 72).

на самом деле. Скорее всего, это был почет, особенная почесть, воздаваемая хозяину дома. Притом не должно забывать, что и гостю воздавались подобные же равнозначительные почести, именно *встречи*, о которых в древних памятниках прямо говорится, что они делались «почести ради, воздаючи честь»*. И если не всякий гость мог подъехать прямо к крыльцу боярина, то иного гостя боярин сам выходил встречать и не только на крыльцо, но даже на середину двора, а иной раз и за ворота. Само собою разумеется, что такой обоюдный почет и хозяину дома, и гостю соразмерялся всегда со степенью уважения, которое хотели оказать человеку**. В царском быту, как увидим ниже, этикет встреч был также очень определенно размерен, и положения его ни в каком случае не могли быть нарушаемы.

Итак, мы видели, что особенный почет, воздаваемый царскому величеству, требовал, чтоб ко дворцу подходили пешком, оставляя лошадей и экипажи в известном, дальнем или близком, расстоянии. Притом простой и малочинный русский человек, еще издали, завидя царское жилище, благоговейно снимал свою шапку, «воздаючи честь» местопребыванию государя. Без шапки он и подходил ко дворцу и проходил мимо его. Правом свободного входа во дворец пользовались одни только служилые и дворовые, то есть придворные чины; но и для тех, смотря по значению каждого, существовали известные границы. Не во всякое отделение дворца могли свободно входить все приезжавшие на государев двор. Бояре, окольные, думные и ближние люди пользовались в этом отношении большими преимуществами: они могли прямо входить даже в *Верх*, то есть в покоевые, или жилые, хоромы государя. Здесь, по обыкновению, они собирались всякий день в *Передней* и ожидали царского выхода из внутренних комнат. Ближние бояре, «уждав время», входили даже в *Комнату*, или кабинет царский. Для прочих же чиновников государев *Верх* был совершенно недоступен. Стольники, стряпчие, дворяне, стрелецкие полковники и головы, дьяки и иные служилые чины собирались обыкновенно на Постельном крыльце, которое было единственным местом во дворце, куда они могли приходиться во всякое время с полною свободой. Отсюда, «в зимнее время, или в которое время кто похочет», им дозволялось входить в некоторые палаты, прилегающие в Постельному крыльцу, но и в этом случае

---

* Древняя российская вивлиофика. 1774. Ч. 6. С. 128; Полное собрание законов... № 429.

** Памятники дипломатических и торговых сношений... Т. 2. С. 510–511, 522 и др.

для каждого чина назначена была особая палата. По указу 1681 г., стольникам и стряпчим назначено было входить «в полату, что у переградской стены, вшед с Постельного Крыльца в новые сени на лево, а слыть той полате Переднею; дворянам и жильцам приходить в Старую Золотую Полату; стольникам-генералам и стольникам-полковникам приходить в полату, что подле Передней; городovým дворянам в полату, что наперед того перед Золотою Полатою были сени»*. Следовательно, все эти чины в другие отделения дворца не допускались. Особенно строго воспрещалось им ходить за каменную переграду, которая отделяла Постельное крыльцо от площадки, где была лестница в государевы покои или нынешний Теремный дворец. Лестница эта сохранилась донныне на том же самом месте, хотя и в другом виде. Вверху она запиралась медною золоченою решеткой, а внизу ограждалась от других отделений дворца «каменною переградю», за которую и воспрещено было «отнюдь никому не ходить», за исключением одних только судей, «которые сидят по Приказам» и которые хотя и допускались за эту переграду, но в Верх без приказа входить не смели и ожидали приказаний у лестницы. Дьяки и подьячие, приходя во дворец с докладами, дожидались начальных людей на Постельном крыльце или в сенях перед Грановитую палатою. Другие младшие чиновники не смели входить даже и на Постельное крыльцо. «Иным чинам, говорит Котошихин, и до тех мест ходить не велено, где бывают стольники и иные нарочитые люди». Вообще дозволение входить в ту или другую палату и тем приближаться на градус к царской светлости утверждалось особым пожалованьем, о котором просители били государю челом. Так в 1660 г. один жилец бил челом с вычислением своей службы: «Пожалуй меня, холопа своего, для великого чудотворца Алексия митрополита и для многолетнего здоровья сына своего царевича (Алексея Алексеевича) за мое службишко и терпенье, вели государь мне быть при своей царской светлости в Передней, а родители мои (родство) пожалованы в Переднею»**.

Внутренние отделения дворца, то есть Постельные хоромы царицы и государевых детей, были совершенно недоступны для всех, и дворовых и служилых чинов, за исключением только боярынъ и других знатных женщин, пользовавшихся правом приезда к царице. В эти отделения не осмеливались входить без особого приглашения даже и ближние бояре. Для священников и вообще церковников, которые служили в верховых церквах, открывался

* Полное собрание законов... № 901.

** Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 13. С. 68.

вход в эти церкви в известное только время и притом по известным местам и переходам. Это распространилось даже и на крестовых попов, которые совершали службы в самых покоях государыни. Они должны были входить во дворец тогда только, «как их спросят». В самые покои царицыной половины не смели входить даже и те из придворных чинов и служителей, которые, по своим должностям, должны были являться туда, например, с докладом о кушанье или с самым кушаньем. Далее сеней они не осмеливались входить и здесь передавали доклады верховым боярыням и другим придворным женщинам; точно так же и кушанье вносили в сени или в особо для того назначенные комнаты, в которых и сдавали боярыням на кормовой поставец¹⁰. И вообще, если даже государь посылал кого-либо к царице и к детям спросить о здоровье или «для какого иного дела», то и в таком случае посланные, по словам Котошихина, «обсылались чрез боярынь, а сами не ходили без обсылки». То же самое наблюдалось и со стороны царицы. <...>

<...> Случалось, впрочем, весьма редко, что в Передней государь принимал запросто иноземных послов. Это была необычайная и величайшая почать, которой удостаивались немногие. В 1662 г., 14 апреля, здесь были приняты цесарские послы¹¹, которые получили эту высокую почать вместо посольского стола, даваемого обыкновенно иноземным послам после аудиенции*. При этом Мейерберг замечает, что «во внутренние покои царские они шли по лестнице и переходам, в коих по обеим сторонам стояла стража рядами в богатом вооружении и все так убрано было обоями, что не видно было ни пола, ни стен, ни печей, ни потолка». Современная записка об этом приеме описывает эту уборку следующим образом: «А для приходу послов Передняя Полата и сени наряжены бархаты золотными и двоєморховыми¹²; на крыльце и на дворе, что перед Спасскою церковью, — полами полаток, персидской и бархатной золотной, а завесами бархатными ж золотными и киндячными¹³ и атласами травчатыми. На деревянном крыльце, по сторонам и вверху, такими ж полами и завесы да седельными покровцы. На нижнем крыльце столбы — бархатом червчатый гладким; за переградкою и на Постельном крыльце по обе стороны, до красных дверей — сукнами червчатыми и зелеными». Мейерберг сохранил даже изображение своего приема в этой Передней. Такой же почести был удостоен в 1664 г. 22 апреля английский посол Чарлус Говорт. «А для

---

* Майерберг А., Калвудий Г. В. Донесение императору Леопольду цесарских посланников // Русский зритель. 1828. № 5/6. С. 20, 22; Выходы государей царей... С. 376.

его приезду верхнее государево крыльцо и рундук¹⁴, и двор, что от Спаса, по сторонам, и деревянное крыльцо и лестница и нижней рундук на Постельном Крыльце, по сторонам же, наряжено было наряды розными, атласы и бархаты золотными. А мосты и лестницы по переграду, что у Постельного Крыльца, настланы были коврами; а в переграде¹⁵ и на Постельном Крыльце настилки не было, а стены обиты были сукны».

В 1667 г., декабря 4-го, в Передней же были приняты на отпуску польские послы Станислав Беневский и Киприян Брестовский. «А приехали они послы в город в 4 часу ночи (в 7 часу вечера) и дожидались государеву указу в Золотой Полате. А к великому государю в Переднюю пришли в 5 часу ночи в 2 чети. А как они шли Красным Крыльцом и у дверей, что всходят с Красного Крыльца на Постельное, встретили их полуголовы¹⁶ и шли перед ними крыльцом за переграду до деревянной лестницы, что ходят в Верх. А у переграды на нижнем деревянном рундуке встретили их полковники и головы стрелецкие в служилом платье и шли перед ними в Передние сени, а полуголовы остались у рундука. А в сенях стояли жильцы 12 человек с протазаны. А как послы взошли на Каменное Крыльцо и в сенях у дверей встретили их спалники, а объявлял их им послом Думной дьяк Дементей Башмаков. И шли спалники перед ними в Переднюю, а полковники и головы стояли в сенях. А для того устроено было Постельное Крыльцо по переграде и по Грановитой и за Переградою и Нижней деревянной лестницы рундук убито¹⁷ сукнами червчатыми, а от нижнего рундука и верхнее Крыльцо убито было полавочники¹⁸ золотными и серебряными и персицкими отводы и покровцы золотными, а верх убит был кожами золотными. На дворе по церкви Спасской убито было суконным красным завесом (из Семеновского с Накрачейни) по тому сукну нашивано сукна белые месяцами и репы. А достальное все полами полотняными с кумачом. Двор и лестница и верхнее каменное Крыльцо и сени устлано было коврами, а в сенях на лавках постланы были полавочники золотные бархатные. А на Каменном Крыльце по перилу ковры золотные. А как послы прошли в Переднюю и те ковры сняли и положили сукна красные для того, что шол снег. А от великого государя из хором Польские Послы пошли в 7 часу ночи в исходе и были у Патриархов».

В другой записке о том же приеме польских послов находим новые подробности: «Для их приходу Передняя была настлана коврами персидскими; на окнах и на лавках полавочники золотные; сени постланы коврами ж; на лавках (в сенях) настланы полавочники: на левой стороне от дверей, золотные; на правой стороне — цветные;

на окнах (в сенях же) настланы *золоты* и ковры золотные. Крыльцо и рундуки (площадки) и лестницы каменные и *Двор*, что меж Спаса Нерукотворенного церкви и хором, устлано было коврами ж. На верхнем же каменном крыльце на перилах положены были ковры золотные аксамитные; и те ковры для ненастья были сняты и положены вместо ковров сукна червчатые. По сторонам на дворе, идучи с деревянного крыльца к хоромам, на левой стороне от дверей до рундука каменного поставлены были полы (рамы) полотняные, разцвечены кумачом; по правую сторону от дверей же поставлены до рундука завесы суконные с *месецы*¹⁹, и двери церковные и проходные и окошки были заставлены. Деревянное крыльцо и лестницы и рундуки, средний и нижний, деревянные, устланы были коврами. На перилах и на ухватах, идучи в Верх, на правой и на левой стороне положены золота шиванные²⁰. На левой стороне, на среднем и на верхнем рундуках деревянного крыльца, от первого столба по двери верхнего деревянного крыльца, заставлены полами персидскими. Столбы на верхнем и на среднем крыльцах деревянных обиты покровами золотными из Конюшенного Приказу. Бочки (в кровле крыльца) по нижний шатер подбиты были кожами золотными из Приказу Тайных Дел. На нижнем деревянном рундуке, что в переграде, под шатром (кровля) подволоки и столбы, и в переграде стены и двери, и на Постельном крыльце стены ж до дверей, что в Грановитые сени, меж дверей — все обито было сукнами червчатыми с Казенного Двора; а двери с Постельного крыльца, и в Шатерную полату Грановитых сеней и государыни царицы Золотой Полаты закрыты были сукнами ж. Перед Передними сенми на дворе у левой стороны поставлен поставец, обит камкою цветною; а на нем было: две фляги, воронки, кубки, ковши серебряные золочены. У поставца стоял степенный ключник, а с ним стояли дворовые люди в чистых охабнях.

«А как послы шли к государю (в эти хоромы) и в то время стояли на постельном крыльце дворцовых и розных приказов подъячих 20 человек, по обе стороны. А встретили их: за переградю на рундуке — полковники и головы московских стрельцов, на верхнем каменном крыльце — спальники. Объявлял²¹ им спальников думный дьяк. А в сенях перед Переднею у дверей встретили бояре. А как послы в Переднюю вошли и великому государю объявлял их боярин А. Л. Ордин-Нащокин. А великий государь в то время сидел в Персидских креслах, которые с олмазы и с яхонты и с иными дорогими каменья. И послы великому государю челом ударили и говорил первый посол речь; и великий государь их пожаловал, указал боярам и послам сесть. А потом указал великий государь несть чашу с своим государевым питьем спальнику. А перед чашею шел боярин

и оружницей Б. М. Хитрово; а за чашею несли кубки с романею спальники ж. И великий государь, взяв чашу и встав, говорил речь и пил про королевское здоровье; а потом жаловал кубки послов и бояр и указал пить про королевское ж здоровье. А приставы (у послов) стольник и дьяк, проводя послов в Переднюю, сидели в сенях. А как послы пошли из полаты и, по указу в. государя, послов провожали бояре и стольники и полковники и головы до тех же мест, где кто встречал, а приставы до Посольского Двора. А как послы шли к великому государю в Верх и от великого государя с Верху, и в то время стояли: в Передних сенях 12 ч. жильцов с оправными протазаны²², по 6 человек на стороне. Со свечами сытники²³: на каменном рундуке у Передней 2 человека, по обе стороны того ж рундука 2 человека, на верхнем деревянном крыльце 2 человека, на среднем 2 человека, в переграде по стороны рундука 2 человека, на Постельном крыльце у переградных дверей 2 человека; у дверей, что ходят с Постельного крыльца в Грановитые сени и на Дворец, 2 человека; да на Постельном же крыльце поставлено было по обе стороны 12 фонарей. А на Красном крыльце стояли со свечами же стрельцы: у дверей по обе стороны 2 человека, против Золотой Полаты у дверей 2 человека, против церкви Благовещения Богородицы 2 человека, в благовещенской паперти 2 человека»*.

Значение Передней и Комнаты в домашнем быту государя также весьма достопамятно. В Передней государь слушал иногда церковные службы, часы, вечерню, всенощное: на Святой христосовался с боярами, то есть жаловал их к руке. В Передней или на Золотом крыльце, в дни своих именин, также на именины царицы и детей, после обедни, государь из собственных рук раздавал боярам и всем дворовым и, служилым чинам *водку и именинные пироги* или калачи. В Передней государь давал также праздничные столы, а в Комнате кушал иногда запросто, без чинов, с некоторыми из бояр, окольничих, думных дворян и думных дьяков, которые приглашались по особому благоволению государя и сидели за столом всегда уже без мест. Записки времен царя Алексея Михайловича сохранили любопытные известия о других, более замечательных столах, которые иногда давались в этих покоях, именно *о кормах на нищю братию* и *на полоняников*. Так, в 1661 г., сентября 17-го, отслушав литургию в Евдокеинской церкви²⁴, государь открыл

---

* Дворцовые разряды... Т. 3. С. 579. — Дополнения к 3-му тому Дворцовых Разрядов (С. 440), где эта статья неправильно обозначена 1671 годом. (Дневальная записка приказа Тайных дел, в Гос. архиве М-ва иностранных дел.)

в Передней *сиденье с бояры*, по случаю войны с Польшею; после сиденья служилым людям сказан был поход по первому зимнему пути, и в тот же день в Золотой Комнате государь *кормил полоняников*, а после кушанья жаловал их в Передней романею в кубках и в ковшах медом. В 1665 г., апреля 10-го, в неделю Жен-Мироносиц, вероятно, по случаю рождения царевича Симеона Алексеевича, «по Передней и по Комнате были кормлены нищие шестьдесят человек, и великий государь жаловал их из своих государских рук по рублю человеку». Июня 18-го, этот христоробивый стол дан был вторично и также на шестьдесят человек. Государь опять оделял обедавших милостынею из своих рук по рублю человеку и одному дал два рубли. Потом эта нищая братия из Теремных покоев *взята была* в деревянные Царицыны хоромы, где царское семейство раздало ей еще более ста рублей*. В 1667 г., сентября 5-го, перед днем всенародного объявления царевича Алексея Алексеевича, в Комнате и в Передней, в другом часу ночи, по нашему счету в осмом вечера, кормлено нищих 30 человек, а жаловал кормил их царевич Алексей Алексеевич, денег им пожаловал по 2 рубли человеку. Такие столы давались очень часто по поводу важных семейных событий, например, по случаю рождения детей и особенно во дни поминования усопших, в третины, девятины, полусорочины и сорочины. Когда нищей братии собиралось много, то *кормление* происходило нередко в Царицыной Золотой палате, преимущественно, если поминки справлялись по царце.

Необыкновенно оживлялись Теремные покои пред заутренею Светлого Воскресения, когда бояре, окольные, думные и ближние люди, все служилые и дворовые чины, в богатейших золотных кафтанах, собирались сюда к обряду царского лицезрения и к царскому выходу к заутрене. Высшие сановники, пользовавшиеся свободным входом в государевы покои, собирались в Комнате и в Передней; другие наполняли сени, стояли по Золотому крыльцу и на Каменном дворе пред Теремами; а низшие и небогатые чиновники, не имевшие золотных кафтанов, ожидали царского выхода на Постельном и на Красном крыльцах. Когда таким образом дворец наполнялся чиновным народом, государь выходил из внутренних покоев в Комнату, слушал здесь «полунощницу», по совершении которой садился в кресла и принимал бояр и прочих сановников, входивших в Комнату, чтоб «видеть его великого государя пресветлые очи» и ударить челом. Те из дворян и дьяков, которым, по особой милости, дозволялось видеть царские очи в Комнате, входили туда,

* Расходные книги приказа Тайных дел, в Архиве Дворцовой конторы²⁵.

по распоряжению стольника из ближних людей, который в то время стоял у *крюка*²⁶ и впускал их по списку, по два человека. Ударив челом, они возвращались на свои прежние места. Таким же образом дворяне и дьяки другой степени, а также и стрелецкие головы впускались в Переднюю при выходе туда государя. Все эти лица, которых государь жаловал, повелевал свои государские очи видеть в Комнате и в Передней, вносились в особые списки и по спискам допускались к царскому лицезрению. Остальные дворяне, дьяки, подьячие и прочие младшие и небогатые чиновники видали государские очи в сенях и на дворцовых крыльцах в то время, как государь проходил в собор. Ударив, по обычаю, челом, они шли пред государем, по три в ряд, до Успенского собора, где и становились по обе стороны пути, и потом, когда государь, сопровождаемый высшими чинами, торжественно проходил в собор, они также следовали за ним, по два в ряд. В течение Светлой недели государь принимал в Теремных покоях поздравление от всех чинов, до чернослободских старост²⁷ и выборных. Людей младших чинов он жаловал к руке большею частию на Переднем крыльце.

Нам остается упомянуть еще о значении Красного крыльца, которое было главным парадным входом во дворец. На него, как мы уже знаем, вели три лестницы — Благовещенская, Средняя и Золотая, или Красная, что у Грановитой палаты. На Красном крыльце, во время посольских и других важных приемов, происходила церемония встреч, значение которых указано нами выше. По этому случаю все крыльцо наполнялось дворовыми и служилыми людьми младших разрядов, которые стояли здесь по обе стороны пути в богатейших одеждах, выдаваемых на это время из царской казны. Обыкновенно по лестнице и по крыльцу стояли подьячие и боярские дети в цветном и золотном платье, а в сенях и у дверей Приемной палаты жильцы в бархатных и обьяринных терликах и в золотных шапках, с протазанами и алебардами в руках.

Особенно пышные встречи делались только иноземным послам и вообще знатым иностранцам, как собственно гостям, «почести ради». Число встреч было неодинаково: именитому послу и лицу царского происхождения давалось три встречи. Первая, *меньшая*, у лестницы на подъездном помосте, или рундуке; вторая, *средняя*, на крыльце, против средней лестницы, а иногда в сенях Приемной палаты и, наконец, третья, *большая*, у самых дверей палаты. Другим, менее значительным лицам делалось только две встречи: меньшая на крыльце и большая в сенях, а иным, как, например, иноземным посланникам, гонцам, купцам и т. д., была одна только встреча — в сенях у порога или «недошед порога с сажень». Таким

образом, одною из почетнейших встреч для гостя была и меньшая, у лестницы. Встречниками назначались в обыкновенных встречах стольники с дьяками, а в более почетных — боярин или окольных с стольником и думным дьяком. Самое разделение встреч на меньшую, среднюю и большую сообразовалось с родовой честью встречников: в меньших встречах были помоложе, а в больших постарее родовой честью. Само собою разумеется, что, при назначении встречников, нередко случались местнические «стычки». Дьяки при встречах говорили обыкновенно чрез толмачей приветственные речи, объясняя, что великий государь (титул), «воздаючи честь» послу, повелел его встретить такому-то и такому; при этом провозглашались имена стольника и самого дьяка. Особенно дорогих гостей встречали еще с большими церемониями. В 1644 г. во время приема датского королевича Волдемара, жениха царевны Ирины, кроме обычных трех встреч, его встретил среди Грановитой палаты царевич Алексей Михайлович в сопровождении бояр и в предшестве окольных и стольников, а потом сам государь Михаил Федорович встретил королевича у ступени трона.

Для встреч и вообще для входа во дворец посторонним лицам, кроме государя, назначены были только две лестницы: Благовещенская и Средняя. При посольских приемах послы христианских государств входили во дворец Благовещенскою лестницею, а послы и гонцы персидские, турецкие, татарские и вообще иноверцы — Среднею, потому что значение Благовещенской лестницы, как соборной паперти, не позволяло входить по ней лицам, не исповедовавшим христианской веры. По Золотой, или Красной, лестнице, которую мы теперь неправильно называем собственно Красным крыльцом, совершались большие царские выходы в день венчания на царство и во время бракосочетания. В другое время эта лестница, кажется, была всегда заперта, потому что обыкновенные выходы государя делались большею частью по Благовещенской паперти, служившей также обыкновенным входом во дворец как для бояр, так и для всех других чинов. Для того же назначения была и Средняя лестница, по которой, кроме того, совершались печальные процессии выноса тела покойных государей к погребению в Архангельский собор.

Лестницы Красного крыльца запирались на ночь решетками, и на крыльце всегда стоял стрелецкий караул. Припомним еще, что у этого крыльца, на площади, думные дьяки принимали от народа челобитные, по которым здесь же сказывали приговоры и решения, вероятно, у Средней лестницы.

Заметим также, что на крыльцах иногда делались приемы гонцам и посланцам. Вероятно, это было самую меньшую степенью

того почета, который должен был оказываться послу меньшего же разряда. В 1657 г. царь Алексей Михайлович принимал на Красном крыльце малороссийского посланца от гетмана Хмельницкого, Павла Тетерю. Отпускная аудиенция дана была ему также на крыльце, но только уже на *переднем*, т. е. в государевых покоевых хоромах или нынешних теремах, что было почетнее.

В заключение мы должны упомянуть, что в XVII столетии во дворце, именно на стрелецком карауле Красного крыльца, велись каждый день особые записки о состоянии погоды и о дворцовом карауле; а при этом отмечались и все царские выходы и загородные походы, также посольские приемы и разные другие случаи. По содержанию, эти дневальные записки²⁸ весьма любопытны и важны в том отношении, что по ним с большею достоверностью можно определить время разных событий и случаев в истории царствования Алексея Михайловича. С каким намерением составлялись подобные записки о погоде — неизвестно, но из письма царя Алексея Михайловича к Матюшкину, 1650 г., мая 25-го, видно, что государь приказывал записывать, «в который день и которого числа дождь будет»*. Может быть, к этому времени и должно отнести начало записок <...>.

---

* Часть этих записок, в столбце, за 1657 г. без начала, найдена нами в Архиве Дворцовой конторы. В Гос. архиве М-ва иностранных дел хранятся такие же «Записки дневальные» в книгах, с 7170 г. (1661–1662 гг.).